

Введение в монстроведение Ренессанса: гибридные существа и другие создания*

А.В. Карабыков

На материале первостепенных медицинских, натурфилософских и природоведческих трактатов в статье исследуются воззрения на сущность и причины появления гибридных, «человеко-животных», монстров, доминировавшие в учёных кругах Западной Европы XVI – первой половины XVII вв. Понимая монструозное как *иное* по отношению к человеческому, автор рассматривает эти сферы в качестве взаимосвязанных культурных конструктов. Таким образом, анализ монстроведческих концепций проливает свет на тёмные стороны ренессансной антропологии. В частности, выясняется, что а) в основе последней лежало представление о том, что между человеческой и животной областями пролегает сфера существ переходных видов; б) основные причины рождения гибридных индивидов связывались с признанием таких возможностей, как зачатие при скотоложстве и действие на плод пластической силы воображения матери; в) очевидность естественных причин и значимость божественной причины возникновения индивидуальных монстров обычно считались обратно пропорциональными, тогда как сами эти причины – скорее дополняющими друг друга. Устранение этих и связанных с ними воззрений, завершившееся в эпоху Просвещения, произвело разрушение ренессансного монстроведения и вызвало ревизию фундаментальных презумпций, на которых покоилась прежняя антропология.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: культура Ренессанса, естественная история, история медицины, историческая антропология, географические открытия, монстры, знамения, воображение, спонтанное зарождение.

КАРАБЫКОВ Антон Владимирович – доктор философских наук, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры философии естественнонаучного профиля Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского

meavox@mail.ru

<https://omgis.academia.edu/AntonKarabykov>

Статья поступила в редакцию 24 декабря 2017 г.

Цитирование: *Карабыков А.В.* Введение в монстроведение Ренессанса: гибридные существа и другие создания // Вопросы философии. 2018. № 8. С. 52–64.

Man is a lump, where all beasts kneaded be...

John Donne

«Монстры сделались столь обычны. Похоже, что в наши дни они представляют скорее обыкновенное течение дел в природе, нежели чудо», – отмечал на исходе XV в. немецкий гуманист Себастьян Брант (ок. 1458–1521) [Daston, Park 1998, 173]. И он не слишком грешил против истины, если оговориться, что это не природа, а современная ему культура исполнилась влечением к монструозному. Истоки этой страсти, как и факторы, ей способствовавшие, отличались сложностью, и в дальнейшем я ещё не раз

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00601, ««Книга Природы» в контексте герменевтических стратегий Возрождения и раннего Нового времени».

©Карабыков А.В., 2018 г.

коснусь их. Пока достаточно замечания, что монстры всегда создаются культурой, чтобы конституировать *иное* по отношению к человеку, помогая её носителям строить и укреплять свою идентичность [Cohen 1996, 7–12]. Другими словами, монструозное задаёт пределы собственно человеческого. Коль скоро Ренессанс был увлечён культивированием монструозного, то глубочайшим основанием этого, по-видимому, являлась серьёзная обеспокоенность вопросом: что есть человек? Тревога такого рода была нова. Её не знало высокое Средневековье, ибо в схоластической метафизике неоспоримая определённая человеческой природы обеспечивалась соответствующей универсалией, которая, как считалось, пребывает в Божественном Логосе, соединяя с Ним каждую конкретную личность и идею человека в разуме смертных. Такая метафизическая обеспеченность по преимуществу обуславливала антропологическую «щедрость», благодаря которой средневековая культура не исключала из социального мира индивидов, неполноценных в умственном или каком-либо ином отношении, а из состава человечества те монструозные племена, что со времён Античности помещались на окраины мира земного [Фуко 2010, 77–79; Campbell 1988, 75–81]. По этой причине границы человеческого были довольно нечётки, что не вызывало особого беспокойства. И гуманизм органично усвоил широту и размытость этих границ. Не предвещавшие ничего дурного, эти черты усугублялись в процессе распада средневеково-христианского космоса и утверждения новой, плюралистически-релятивной, картины вселенной. В итоге, лишившись традиционной основы, понятие человеческой природы сделалось остро проблематичным, и это стало всерьёз тревожить. Если Пико делла Мирандола (1463–1494) ещё восхвалял радикальную незаданность человека, видя в ней квинтэссенцию его достоинства, то Шекспир (1564–1616) устами Гамлета говорил о странной незавидной участи сего «шута природы». На заре Нового времени человек стал для себя горькой загадкой. И разгадать её казалось всё менее возможным без обращения к пределам человеческого, что, в свою очередь, предполагало обретение опыта *иного*.

Подступы к тайне

От предшествующих эпох Ренессанс унаследовал две монстроведческие традиции. Одна из них, восходившая к Плинию Старшему, была связана с изучением устойчивых видов человекоподобных существ, чьи племенные общности (их предполагаемое число достигало пятидесяти), как считалось, населяли периферийные регионы Земли. Другая традиция, шедшая от Аристотеля и Гиппократов, касалась рассмотрения причин и типов отдельных врождённых уродств. Сосуществовавшие в прошлом, эти традиции соединились в XVI в. так, что стабильные виды экзотических существ стали представляться наподобие островов в необозримом океане монструозных явлений. В этом смысле видовое и племенное оказалось поглощённым индивидуальным [Daston, Park 1998, 175; Davies 2016, 214]. Это произошло по ряду причин, возможно, главной из которых стала «передислокация» человекоподобных видов, начавшаяся вместе с эпохой Великих географических открытий. Она протекала в двух противоположных направлениях. В воображении европейцев легендарные получеловеческие и полуживотные народы перемещались вдаль, за стремительно расширявшиеся контуры известного мира: в южную Африку, Патагонию или Сибирь, как будто избегая встречи с белыми пришельцами. При этом они же «наступали» на Европу, занимая умы её жителей, увлечённых описаниями Нового Света, которые в огромном количестве выходили из-под пера настоящих, а чаще вымышленных очевидцев и получали зримое воплощение на полотнах географических карт. Свою роль в этой экспансии сыграли подлинные экземпляры экзотической фауны и флоры, чья яркая необычайность укрепляла веру в современные и древние свидетельства о диковинных племенах, в том числе живущих в самой Европе. Но всё же решающее значение имела литература, и особенно пресса, становившаяся всё более доступной, оперативной и вездесущей, чьей излюбленной «пищей» служили известия о проявлении новых монстров. Подъём книгопечатных технологий и открытие неизвестных дотолемных пространств произвели информационный взрыв. Другим их следствием явилась небывалая волна всеобщего

любопытства, чьей рафинированной формой стала специфически ренессансная эпистемология, нацеленная на поиск редкого и странного [Eamon 1994, 269–300]. Взятые вместе и усиленные тревогой, охватившей европейцев из-за распада традиционной картины мира, все эти факторы вызвали к жизни подлинный бум монструозного.

Соединение монстроведческих традиций отразилось в попытках создать унифицированную теорию, которая предлагала бы объяснение причин и типологию всех проявлений монструозности. В отношении причин было обычным разделять их на две самые общие группы, из-за туманности предмета не имевшие чёткой границы между собою. К причинам божественным относили все те случаи — чаще всего они касались рождения или обнаружения отдельных особей, — когда признавалось, что появление монстра есть знак, непосредственно выражающий гнев или предупреждение со стороны Божества. Как правило, такой вердикт свидетельствовал о невозможности приискать событию этого рода причину из второй — естественной — группы. Намного более обширная, она включала в себя причины собственно природного типа: влияние климата и многообразные физиологические аномалии, например избыток или нехватка семени у отца, дефекты материнского лона и т.д. [Paré 1982, 3–4]. Помимо них к ней относились и такие причины, одну часть которых можно определить как астрально-физиологические, а другую — как морально-физиологические. В последнем случае речь шла обычно о таких половых связях, чьё негативное качество, казалось, запускало цепь физиологических следствий, завершавшуюся произведением монструозного потомства.

Поскольку монстры представляли собой загадочный природный и многоплановый культурный феномен, причины названных типов нередко рассматривались как дополняющие и обуславливающие друг друга. Это позволяло учёным создавать из них трансформируемые, легко приспособляемые к конкретным казусам комплексы, пригодные для разгадки тайн, окружающих появление отдельных существ и жизнь целых народов. К примеру, движимые националистическим духом, многие врачи считали климат, свойственный именно их краям, наиболее благоприятным для жизни. И так как медицина того времени видела в климате один из главных факторов, определяющих телесное состояние человека, они возлагали на своих земляков лавры наибольшего физиологического совершенства. И подтверждали законность своего вывода указанием на то, что именно в их стране отмечается наименьшее число монструозных рождений. Соответственно, чем далее уходить от их родины, тем хуже будет делаться климат и ущербнее строение чужестранцев, причём не только телесное, но и духовное [Davies 2016, 23–46]. Так, на взгляд многих, жаркий климат Африки был повинен в том, что населяющие её существа отличаются чрезмерной чувственностью, из-за чего обилие групповой и индивидуальной монструозности там среди прочих своих причин имеет морально-физиологические. При желании к ним можно было добавить соображения астрологического порядка, ссылаясь на влияние «числа и сил определённых звёзд» [Cardanus 1560, 347, 381; Vauhinus 1614, 65–71]. Или теологического: почему эти несчастные племена обитают в едва пригодных для жизни регионах? Нет ли в том знака, который указывает на Божественный гнев, от века предначертанный им вечное осуждение? В тёмном свете реформатской теологии этот вопрос был более чем уместным.

Что касается типологии монструозного, то и в ней мы видим осуществление той же тенденции к единообразному описанию всех возможных его проявлений. Поскольку суть монструозности полагали в отклонении от обычного и правильного курса природы, в роли основного критерия здесь обычно выступал общий характер девиации. Она могла обнаруживать себя относительно расположения отдельных телесных органов, их числа и размера, а также формы. При этом в последнем случае — именно он будет играть в моём дальнейшем повествовании главную роль — речь шла, если иметь в виду человека, о «смещении» внешности в сторону животного, вынуждавшем человека «носить на себе облик зверя» [Master-Piece 1728, 94; Cardanus 1560, 380]. Единство типологии и набора причин, проливавших свет на эту сумрачную область природы, предопределяло то, что явления видовой и единичной монструозности нередко рассматривались на соседних страницах одних и тех же трактатов.

Гибридные виды

Переходя к примерам устойчивых видов монстров, встречающимся в природоведческих и медицинских трудах XVI — начала XVII в. и не слишком далёких от них «книгах чудес» вроде знаменитой «Хроники чудес и знамений» (*Prodigiorum ac ostentorum chronicon*, 1557 г.) базельского гуманиста Конрада Ликостена (1518–1561), замечу, что их авторы традиционно помещают эти виды и племена в основном в Индию и Эфиопию, ещё остававшиеся скорее воображаемыми, чем точно определёнными земными регионами [McLean 2007, 270–271; Van Duzer 2012, 396–412]. Среди таких существ было немало тех, характер монструозности которых был сопряжён с их формой. В зависимости от степени её искажения, учитывая то, какой — животный или человеческий — полюс являлся для неё наиболее вероятной точкой отсчёта, каждый из этих видов мог бы занять свою ступень пресловутой «антропологической лестницы», намёк на которую как будто прослеживается в этих текстах.

Из трёх видов существ, которые я опишу далее, два явным образом тяготеют к животному полюсу. Мантихора (*mantichora*), о которой упоминают Конрад Гесснер (1516–1565), Эдвард Топселл (1572–1628) и другие натуралисты, с их точки зрения, была индийской родственницей гиены. По словам Топселла, это странное животное «...имеет тройной ряд зубов внизу и сверху, своим размером, косматостью и лапами оно напоминает льва, а лицом и ушами человека, его глаза серы, шерсть красна, а хвост похож на скорпионий» [Topsell 1658, 343]. Несмотря на сходство с человеком, распространяющееся, как утверждает Гесснер, на манеру двигаться и издавать звуки [Gesnerus 1551, 630]), — или, быть может, как раз благодаря этому, — мантихора так дика, что совсем не поддается приручению, и столь люто кровожадна по отношению к людям, что единственная в тех краях получила прозвище людоеда [Topsell 1658, 343]. Ещё один легендарный обитатель Индии — танакт (*thanacth*) — казалось, превосходил мантихору мерой антропоморфности. Об этом существе упоминает, среди прочих, французский врач и учёный Амбруаз Паре (ок. 1510–1590) в работе «О монстрах и чудесах» (*Des monstres et prodiges*), входившей в состав его «Десяти книг по хирургии» (1563 г.). Опираясь на сведения предполагаемого очевидца, он утверждает, что танакт величиной и сложением похож на тигра, но при этом лишён хвоста. Физиономия же его «во всём подобна лицу благообразного человека» [Пай 1982, 146]. То же относится к его ушам, шее и голове, которая, как у мавров, покрыта тёмными курчавыми волосами. Аборигены охотятся на это животное с луками, употребляя в пищу его мясо, что вкупе с внешностью свидетельствует о его большей кротости сравнительно с индийским антропофагом [Ibid., 147].

Последний пример монструозно-экзотических видов будет заимствован мной из «Истории монстров» (*Monstrorum historia*), изданной в 1642 г. после смерти автора, болонского натуралиста Улисса Альдрованди (1522–1605). Со ссылкой на Ликостена, создавшего целую галерею племён «лесных людей», Альдрованди рассказывает о легендарных киноцефалах (*cynocephali*), обитателях Эфиопии. Мохнатые, как собаки, они имеют «головы и уши, которые кажутся скорее звериными, чем человеческими» [Aldrovandi 1642, 22]. Однако тело их вполне «человеческое, изящно сложенное, если не считать головы, напоминающей оскалом собачью» [Ibid.]. Эти гибридные существа удивительны тем, что при всей экстравагантности облика их образ мышления и жизни намного более приближен к человеческому, а не к животному, как в случаях с танактом и мантихорой. Подобно всем варварам, киноцефалы образуют сплочённую племенную общность, что позволяет им успешно завоёвывать соседние земли «татар» (*tartarorum*). Они бы не были столь могущественны, если бы не владели уникальной технологией, делавшей их буквально неуязвимыми. Учёный сообщает о ней следующее: «Когда наступают суровые морозы (о настоящей Эфиопии по-настоящему мало знали. — А.К.), они погружаются в воду, а затем тотчас покрывают себя пылью, [ожидавая] когда, смешанная с водою, пыль затвердеет. Так они делают множество раз, до тех пор пока толщина их панциря не становится непробиваемой для ударов оружия и стрел» [Ibid.].

Эти и подобные им монстры, являвшие устойчивые, хотя и очень странные виды живых существ, подобно представителям всех остальных природных разрядов, были включены в великую цепь бытия. Их место в ней определялось прежде всего тем, в

какой мере каждый из этих смешанных типов тяготел к названным полюсам. Если танакт и мантихора, принадлежавшие животному царству, словно бы приоткрывали его границы, чтобы вобрать в себя пядь человеческого, то киноцефалы и близкие к ним «лесные люди» подвигали человеческую природу навстречу звериной. Иное дело — уникальные особи, монструозность которых, казалось, свидетельствовала не за, а против упорядоченности мироздания. Их причудливая, то забавная, то отвратительная наружность как будто служила посланием, вещавшим об артистической силе матери-природы.

Грозные знамения

Но и в странных играх природы часто сквозила своеобразная логика; если же нет, то вместо неё могла вырисовываться тень божественного перста, указывающего на что-то. Проследить эту логику стремились ренессансные пионеры тератологии: врачи и натуралисты, тоже имевшие в большинстве своём медицинскую подготовку. Объяснить смысл вышних знамений пытались теологи-моралисты, а также молодая поросль газетных репортёров, занимавших новостями умы обывателей. Но и учёные в целом не были чужды такой герменевтике, хотя их взгляды на семиотический аспект монструозности не отличались единством. При всём богатстве нюансов, различавшем в этом плане отдельные концепции, линия водораздела по преимуществу совпадала с чертой, разделявшей Запад на два враждебных конфессиональных лагеря. Протестантские интеллектуалы — Ликостен, Руэфф, Баугин и др. — в большинстве своём находили этот аспект и релевантным, и весьма значимым. Отринув учение о чистилище и практику заупокойных молитв, Реформация взвалила на людей груз колоссальной ответственности. Их участь в вечности, неизменяемая за порогом земной жизни, если не была predetermined заранее, могла решаться только здесь и сейчас. И чтобы уберечь своих чад от ада, Всевышний давал им, как верили протестанты, разнообразные знамения: кометы, затмения и, в числе прочих необычайных явлений, монстров [Jogink 2010, 352–355; Bates 2005, 26, 54]. Тем временем в католической ойкумене оставался в силе аристотелевский образ вселенной, влиявший на понимание жизни человека и общества. Благодаря своей целесообразности и упорядоченности он не предполагал столь частого вторжения в него Божества. Это располагало учёных к более натуралистическому осмыслению монстров, о чём свидетельствуют труды Кардано, Паре, Лицети. Впрочем, указанное различие не было фундаментальным: все исследователи, как правило, начинали с поиска ближайших — природно-физиологических — причин монструозных явлений, к которым (или за отсутствием которых) могли добавлять при желании соображения сверхъестественного плана. И протестанты делали это с намного большей охотой.

Если оставить в стороне дефекты в отношении числа, размеров и расположения телесных членов и сосредоточиться на деформациях, где лежала та тревожная область, в которой смыкалось человеческое с бестиальным, то можно провести первоначальное разграничение. Оно создавалось вопросом: кем, женщиной или самкой животного, был рождён данный монстр? Когда было верно второе, странное существо обычно *a priori* исключалось из мира людей, чтобы порой удостоиться места на страницах зоологических сочинений. Так, в трактате, посвящённом четвероногим животным, Альдрованди упоминает о происшествии, некогда случившемся в Вероне, где «...кобыла принесла жеребёнка, который во всём обладал лошадиной наружностью, но при этом имел вполне человеческое лицо. Вскоре после этого между тосканцами и пизанцами вспыхнула война, охватившая почти всю Италию» [Aldrovandi 1616, 129]. Другим, более свежим, примером монстра такого рода был знаменитый «телёнок-монах» (*Munchkalb*), появившийся на свет в селении рядом с Фрайбергом в декабре 1522 г. Германию сотрясала Реформация, и её вождь Мартин Лютер (1483–1546), как раз начавший наступление на монашество, узрел в нём знак, который изобличал фальшь и неразумность этого «папистского» института и предвещал его скорую гибель [Walton 1993, 10–11].

Обе эти истории, где рождение монструозных животных, как это часто случалось, было осмыслено в качестве знамения свыше, побуждают вспомнить уже известную

классификацию основных причин появления монстров, и в частности её исходную дихотомию божественного и естественного. Это самое общее различие вступало в игру не только в случаях наподобие приведённых выше, где речь шла о животном потомстве, но и тогда, когда объектом изучения становились монстры, рождённые женщинами. И первой целью такого исследования являлось установление бытийно-религиозного и юридического статуса этих *enfants terribles*: можно ли (и если да, то в какой мере) признать существо такого рода дееспособным человеком? Вкупе с главным в таких ситуациях фактором — степенью деформации облика и физиологии уродца — важную роль в ответе на этот вопрос играл характер самой вероятной причины, по которой данный монстр появился на свет. Когда в качестве таковой — за неимением достаточных сведений или, при их наличии, иного, более позитивного, объяснения — признавали прямую волю Бога, монстр рассматривался преимущественно в семиотической перспективе. По этой причине обстоятельство его пришествия в мир, если только они сами не имели большой символической значимости, очень скоро теряли определённую или вовсе выпадали из коллективной памяти, хранившей лишь ключевые культурные смыслы. При этом земная жизнь такого создания отличалась чрезвычайной краткостью, так что вопрос о его дееспособности отпадал сам собою.

Говоря обобщённо, искомым смыслов и соответственных им семиотических функций было не так уж и много. Искажения формы, «подвигавшие» природу новорождённого в сторону животного полюса, могли обнаруживать грехи его родителей, состоявшие в недолжном — бестиально-невоздержном — сексуальном или, реже, каком-либо ином поведении [Vauhinus 1614, 99–100; Licetus 1634, 7]. Вместе с тем подобные деформации могли озаменовывать грядущие или настоящие социальные катаклизмы: войны, грабежи и пр., обычно влекущие за собой «расчеловечение» причастных к ним людей. С особой отчётливостью эта мысль звучит в анонимном британском трактате «Шедевр Аристотеля» (*Aristotle's Master-Piece*, 1684 г.). Его автор, первопроходец в области сексологии, говоря о звероподобном монстре, появившемся во Франции столетием ранее, замечает, что он был воспринят как «...предвестник опустошений, которые спустя недолгое время произошли в этой стране, где люди стали в отношении друг друга скорее зверями, чем человеческими созданиями» [Master-Piece 1728, 98].

Пожалуй, самым известным примером монструозного дитяти и божественного знака, в чьей запутанной культурной судьбе осуществились обе смысловые возможности, служит так называемый Равеннский монстр. Поскольку неизвестно, был ли у него подлинный референт, сие существо — младенец, имевший вместо рук крылья, а вместо ног когтистую лапу пернатого хищника, с головою, увенчанной рогом, и грудью, отмеченной начертанием креста и ипсилона, — скорее являлся порождением Реформации, чем женщины во плоти. Первые упоминания о нём как о зловещем чаде одной монахини-флорентийки, прижившей его от Папы, встречаются в немецких источниках первых десятилетий XVI в. Наделённый такой биографией, он, подобно «телёнку-монаху», мог знаменовать только дурное: разложение и закат Церкви Рима. Однако чуть позже образ этого полудитяти-полуптицы обрёл новую жизнь под пером и резцом итальянских авторов. Местом его рождения становится Равенна, а знаковой функцией, подобранной *post factum*, — предвещание победы, одержанной армией Людовика XII над войсками Папы Юлия II и его испанскими союзниками [Paré 1982, 6–7]. Завершением же карьеры Равеннского монстра явилось забвение окружавших его историко-биографических обстоятельств и превращение в богатую смыслами моральную аллерию. В последний раз мы встречаем его в сборниках северноевропейских знатоков монструозного. Рог на младенческой голове теперь означал гордыню, крылья — непоостоянство, когтистая лапа — хищную жадность, гермафродитизм — содомию, а изображение креста — панацею от этих пороков, одолевающих смертных [Rueffus 1580, 51].

Плоды порока и фантазии

Я уже отмечал, что между божественными и естественными причинами монструозных рождений далеко не всегда было возможно провести чёткую грань. То же касалось

дальнейших разграничений в сфере естественной каузации. Будучи загадочной, монструозность едва ли не в каждом своём феномене допускала более одного объяснения. Так, например, выделялось несколько типичных ситуаций, когда вероятнейшие причины появления монстров у женщин включали в себя соображения естественного и сверхъестественного порядков. Говоря конкретнее, представление о «пассивной» каре за родительский грех, осуществлённой в форме пощущения Бога, дополняло медицинскую идею о смещении семени в матке как физиологической причине рождения монстров. Это смещение могло быть двояким. Когда порочное зачатие совершалось во время регул, семя отца и матери «портилось» менструальной кровью [Master-Piece 1728, 96]. Но самые печальные последствия вызывались смещением человеческого (как женского, так и мужского) семени с животным в актах скотоложства. И в том и в другом случае на вид выставлялась скотская неводержанность, которая, несмотря на различие в степени тяжести, придававшей ей меньшую или большую буквальность, не могла проходить бесследно.

Кроме того, половые контакты в периоды регул считались чреватými рождением монстров не из-за одной только порчи семени, но и вследствие тех помех, что грозили нормальному истечению крови. Противоестественно удержанная в утробе, она разлагалась и превращалась в возможный источник монстров. Ливин Лемменс (1505–1568), голландский врач и натуралист, учившийся в Лувене у Везалия и Гесснера, громче прочих коллег по цеху трубил тревогу по этому поводу. Житель портового города, он пользовал жён моряков, чья интимная жизнь не отличалась размеренностью, и, быть может, поэтому полагал в сладострастии, не упорядоченном относительно женских циклов, главную причину монструозных рождений. Указывая, сколь широко распространались в его век всевозможные виды уродств, Лемменс заключает, что при современном состоянии нравов просто не могло быть иначе [Lemnius 1583, 37–38]. И тут же, в трактате «О тайных чудесах природы» (*De miraculis occultis naturae*, 1559 г.), приводит историю, поведанную одной из его пациенток, тоже бывшей замужем за моряком. Ища исцеления, она призналась, что не так давно после тяжкой беременности разродилась до ужаса странной двойней. Первым на свет появился «...монстр с искривлённой спиной, длиною круглою шеей, вращающимися глазами и заострённым хвостом. <...> Оказавшись весьма проворным, он сразу принялся носиться взад и вперёд по комнате в поисках укромного уголка, пока, наконец, [присутствовавшие там] женщины не придавили его подушками и не задушили» [Ibid., 41–42]. Спустя некоторое время изнурённая роженица исторгла мальчика, тело которого было до того изъедено единоутробным монстром, что в нём едва теплилась жизнь. Прежде чем он испустил дух, его успели крестить [Ibid., 42].

Что касается скотоложства, всерьёз тревожившего западные общества на пороге Модерна, о чём свидетельствует рост связанных с ним уголовных дел, возможность зачатия в бестиальных актах обычно не вызывала сомнений [Corteia 1997, 157; Fudge 2000, 136–140]. Вопреки авторитету Аристотеля, отрицавшего её на том основании, что периоды вынашивания плода у человека и большинства животных не совпадают, Руэфф, Паре, Риолан, Баугин и ряд других экспертов в области монструозного (заметным исключением был Альдрованди) видели в межвидовом сексе одну из естественных причин рождения гибридных существ. Даже Фортиуни Лицети (1577–1657), итальянский профессор, подвергший критике идею монстров как божественных знамений, поддерживал это воззрение, хотя и сократив его объяснительный потенциал [Licetus 1634, 213–221]. Если растения разных пород, переопыляясь или меняясь под воздействием искусственных прививок, могут приносить гибридные плоды, то почему, говорит Лицети, мы должны отказывать в таком свойстве животным и людям? [Ibid., 221]. Его старший соотечественник Джероламо Кардано (1501–1576), колебавшийся в отношении этой проблемы, тем не менее с той же целью апеллировал к астрологии, а не ботанике. Если монстры могут являться на свет единственно под действием звёздных энергий, то что может мешать тому, чтобы подобное случалось у женщин при содействии биологически близких существ? [Cardanus 1558, 713; Rueffus 1580, 51; Bauhinus 1614, 107–110; Paré 1982, 67–73; Riolanus 1605, 6–10]

В подтверждение этой возможности Кардано и следом за ним остальные перечисленные учёные повествуют о младенце, который, как верили, был рождён женщиной от пса в 1493 г. Природа разделила пополам его тело между видами. Всё, что располагалось выше пояса, было от матери человеческим и отличалось благолепным строением. При этом нижние его части были, как у «отца», подобны собачьим [Cardanus 1558, 713; Licetus 1634, 185–186]. Эти же авторы описывают ситуации, когда гибридные монстры рождались самками животных от мужчин. Но я остановлюсь на происшествии, привлёкшем внимание сначала стражей порядка, а не знатоков медицины. Оно уцелело в истории благодаря британскому литератору Уильяму Драммонду (1585–1649). В одном из писем знакомому врачу Драммонд сообщает об «...одном жалком малом, обвинённом в скотоложстве, который признался во время допроса, что содеял это не из какого-то дурного умысла, но лишь затем, чтобы породить монстра. Не имевший средств к пропитанию, он надеялся с его помощью добывать себе хлеб, колеся с ним по стране» [Drummond 1655, 256]. Находчивость нищего была вскормлена жизненным опытом: проведение монструозных зрелищ являлось обычным бизнесом в те времена, оставаясь таковым до начала XX в., когда правом на ужасное завладел кинематограф. Так что вопреки исторически правильной этимологии, возводившей слово «монстр» к латинскому «*monere*» (предвещать, предупреждать), Альдрованди, Лицети и некоторые другие учёные предпочитали сопрягать его с «*monstrare*» (выставлять на обозрение) [Licetus 1634, 7].

К юридической проблематике, окружавшей явление гибридных монстров, примыкал теологический вопрос: имеют ли эти создания богоподобную душу? Согласно наиболее распространённому взгляду, порождения межвидовых контактов обладали душевной конституцией животных и не наследовали вечности. В то же время отпрыски межчеловеческих связей — сколь бы бестияльными ни были эти связи в фигуральном смысле, — как и все люди, могли рассчитывать на бессмертие [Master-Piece 1728, 96].

Последний естественный фактор, ответственный за появление на свет звероподобных младенцев и не связанный с какими-либо физиологическими дефектами, касался действия воображения, которому Ренессанс приписывал колоссальную бытийную силу [Нует 1993, 13–35]. До некоторой степени этот фактор конкурировал с предшествующей причиной: те немногие интеллектуалы, что отрицали возможность образования плода при скотоложстве, ссылались на него во всех спорных ситуациях, связанных с рождением гибридных монстров женщинами. Они утверждали, что даже когда какая-нибудь несчастная сама говорит, что прижила такое дитя от животного, ей не следует верить, ибо и в худшем случае подлинная причина была иной. Скорее всего, в её больном сознании образ бестияльного акта, возможно, имевшего место в прошлом, затмил собой то настоящее совокупление, что привело к зачатию, а её воображение оказало дурное воздействие на зародыш [Riolanus 1605, 11; Finucci 2001, 58]. Но и те, кто, подобно Руэффу, Баугину и Лицети, допускали возможность зачатия от животных, всё же главную вину за появление гибридных монстров возлагали на хаотичную игру воображения. Ведь, в отличие от богомерзкого скотоложства, это было столь же просто, как заболеть ангиной зимой. Самой примерной матроне ничего не стоило сохранить в памяти образ поразившего её зверя или чего-то звероподобного, а потом вдруг вспомнить его в неподходящий момент — и вот роковая шутка воображения, может быть, уже сыграна с ней и её ребёнком. К примеру, Паре повествует о рождении «девочки мохнатой, точно медведь» у матери, отнюдь не страдавшей недостатком благочестия. Как показали разыскания, бедная женщина, по всей видимости, «согрешила» тем одним, что имела привычку слишком пристально взирать на образ Иоанна Предтечи, висевший напротив супружеского ложа. Одетый в шкуры, с нестриженной бородой и власами и, надо думать, созданный бездарем-богомазом, святой отшельник был похож на лесного зверя [Paré 1982, 38].

Подобными казусами пестрят страницы медицинских, акушерских и иных трактатов XVI — первой половины XVII в. И учёные мужи, корпевшие над ними, призывали читателей всячески оберегать взор беременных женщин от вида животных, тем паче монстров [Paré 1982, 95; Lemnius 1583, 23; Master-Piece 1728, 39–40]. При этом некоторые из них заходили столь далеко, что обрушивались на привычку держать в доме щенков

и ручных обезьянок, модную тогда у аристократок [Lemnius 1583, 24]. Но все предохранительные меры не могли быть достаточными, ведь, если верить Лицети, главный источник этой опасности лежит не в реальности, а в сновидениях. И наяву с трудом управляющие своими чувствами и фантазиями, беременные женщины беззащитны перед ними во сне. По этой причине воображение спящей может произвести монструозный образ, способный чрезмерно её встревожить и повредить созревающий плод. В итоге на свет явится монстр, хотя роженица даже не вспомнит, что в её разуме уже был предначертан его образ. И «... поскольку фантазия очень часто производит такого рода химеры, уродливо слепленные из частей самых разных животных, то нельзя представить столь ужасных и многообразных монстров, чьей единственной причиной не могло бы явиться воображение» [Licetus 1634, 211–212]. В коварстве с ним могли состязаться лишь демоны. Порой они тоже «творили» гибридных монстров, незаметно помещая в женскую матку семя или эмбрион какого-нибудь животного [Bauhinus 1614, 268–279; Licetus 1634, 254].

«Сюрпризы» абиогенеза

Избрав для анализа ту область монструозного, где человеческое начало смыкалось с животным, я до сих пор рассматривал почти единственно гибридные существа. Принадлежавшие к одному из соответствующих полюсов – но не всецело, а тяготея в чем-то к противоположному, – эти монстры были связаны с людьми и животными отношениями сходства и, реже, смежности. Если вспомнить известные нам монструозные виды, станет очевидным, что танакт, мантихора и близкие к ним животные соотносились с человеком только на основе сходства, тогда как киноцефалы и прочие «лесные люди», на равных взаимодействовавшие с другими человеческими племенами, ещё и по принципу смежности. По сходству же были связаны с животными звероподобные порождения женщин, так же как с людьми – человекоподобные плоды самок животных, когда рождение подобных монстров не было следствием скотоложства или действия воображения. Если зачатие происходило «как раз по этой причине», в игру вступали также отношения смежности. При этом когда произведение видосмесительной связи не имело в своём облике ничего гибридного (а лишь человеческое или, напротив, животное), отношения сходства вытеснялись чистой смежностью. И сейчас, завершая изучение этой пограничной сферы, я должен затронуть ещё один вид существ, сопряжённых с человеком единственно на основе смежности. Речь пойдёт не о новом виде гибридных монстров, а об особых существах – нередко к ним относили некоторых пресмыкающихся. Говоря в современных терминах, они скорее принадлежали ведению паразитологии, чем тератологии. Считалось, что существа этого рода образуются в человеческом организме как побочный эффект происходящих в нём вегетативных процессов (разложения пищи, гниения остатков менструальной крови или семени) и, как правило, без прямой связи с оплодотворением.

Ещё сильнее, чем вера в реальность межвидовых зачатий, эта концепция побуждает вспомнить фундаментальные черты ренессансной картины мира, в частности представление об одушевлённости физического мира (панпсихизм) и принцип вселенской симпатии, в соответствии с которым все вещи связаны друг с другом динамическими отношениями взаимного тяготения или отторжения. Выделялись два типа таких отношений: корреспонденции, сопрягавшие предметы одного онтологического уровня, и аналогии – для вещей, располагавшихся на разных ступенях иерархии бытия. Однако в практическом мышлении эти типы нередко смешивались [Brah, Hanegraaff 2006, 277]. Самым известным и широко используемым видом этих отношений, бесспорно, являлась аналогия между макро- и микрокосмом, которая позволяла понимать человека как “конспект” всей природы и вместе с тем усматривать в каждой вещи антропоморфный момент, что тоже способствовало размыванию бытийных границ между человеком и прочими компонентами мироздания.

Если обратиться к описаниям интересующих нас ситуаций, нетрудно заметить, как проблематика монструозного переплетается в них с идеями самозарождения отдельных видов существ, а также глубинной связи между определёнными вещами, пристокаю-

щей из общности их сокрытых свойств (*qualitates occultae*). Так, Амбруз Паре повествует об одном итальянце, который долго страдал от нестерпимой головной боли, преследовавшей его до преждевременной смерти. Как выяснилось после вскрытия черепа, их общей причиной был скорпион, порождённый не чем иным, как самой мозговой материей этого человека. На взгляд учёного, роковым, по-видимому, стало то обстоятельство, что усопший имел пристрастие к запаху базилика. Ибо, как ведали ещё древние, существует симпатическая связь между этим растением и скорпионами, которые могут образовываться из его испарений, если высушенные и истолчённые побеги базилика выставить на солнце [Paré 1982, 55]. В той же главе своего труда Паре говорит о лягушках, жабах и ящерицах, которые способны самозарождаться в человеческих внутренностях. Когда это происходит в кишечнике, они исторгаются оттуда наподобие глистов, когда в женской матке — то подобно выкидышам [Ibid., 56]; см. также: [Riolanus 1605, 12–13].

Вскрывая причины этих явлений, Паре апеллирует к идее спонтанного зарождения, владевшей тогда умами учёных. С особой ясностью он выражает приверженность ей, когда пытается объяснить, почему именно неаполитанки «славятся» тем, что очень часто производят таким образом упомянутую живность. Указывая на преимущественно растительный рацион этих женщин, Паре даёт понять, что образуемые в них существа наделены способностью к самозарождению и потому возникают в человеческом организме в результате разложения растительной пищи [Paré 1982, 57]. Косвенное подтверждение антивегетарианского тезиса, лежащего в основе этого аргумента, предлагает Кардано. По его мнению, спонтанное зарождение соответствует исконному замыслу природы, заинтересованной в том, чтобы воспроизводство жизни совершалось самым лёгким и быстрым способом. И существа, которые остались у истоков физиологического существования, поныне сохраняют эту способность. Кроме неё, их также отличает когнитивная примитивность и в основном растительное питание. Напротив, высшие животные, за исключением слона и ещё немногих, смогли достичь возможного для них совершенства как раз благодаря мясоедению, сближающему их с человеком [Cardanus 1560, 273]. Такой ход мысли позволял заключить, что, предпочитая растительную пищу животной, неаполитанки словно бы обращали эволюционный процесс вспять и так превращали свои внутренности в рассадники тварей, производимых силой тепла и влаги.

Заключение

Когда отгремели последние залпы Тридцатилетней войны (1618–1648) и Запад начал входить в пору политической стабильности и религиозного мира, научная революция стала уверенней одерживать свои победы в умах духовной элиты. Одной из них явился консенсус в отношении причин монструозности, сложившийся на уровне самых общих воззрений в последней трети XVII в. В чём состояла принципиальная новизна этого интеллектуального взгляда? Прежде всего она заключалась в десимволизации всех явлений монструозного, которая составляла одну из граней глобальной тенденции к вещно-эмпирическому осмыслению мира, фундированному номинализмом.

Вторая ключевая особенность нового взгляда состояла в сокращении факторов, обуславливающих появление монстров. Эта редукция находилась в непосредственной связи с установлением жёстких границ между человеческой и животными формами жизни, а также «зачисткой» той пограничной сферы, что искони соединяла их в мироздании. Жертвой этих процессов стали представления об экзотических, получеловеческих и полуживотных, видах, ещё недавно внушавшие доверие самым авторитетным учёным. Пусть не исчезнув полностью, эти воззрения претерпели серьёзную культурную девальвацию, чему способствовал рост сомнений в реальности таких видов, вызванный прогрессом географического и этнографического знания, с одной стороны, и зоологического, с другой.

Ещё одна грань интересующей нас редукции была связана с устранением тех причин монструозности, в основе которых лежал принцип смежности. В первую очередь

это касалось смешения человеческого и животного семени. Там, где ещё вчера усматривали гнусные следы скотоложства или манипуляций злокозненных демонов, теперь старались отыскать механистическое объяснение врождённых аномалий, отвергая былые интерпретации как плод «вымысла или нехватки наблюдения» [Tyson 1699, 434]. Но очевидно, что «пасть» до вымысла — после того как ещё недавно их поддерживало большинство ведущих умов — эти толкования могли лишь вследствие глобальных духовных сдвигов, глубоко изменивших образ всей природы. Панпсихизм и вселенская симпатия, аналогия макро- и микрокосмов и идея сокрытых свойств — эти и близкие им воззрения, составлявшие ядро ренессансной картины мира, к концу XVII в. были вытеснены образом механизированной вселенной. В силу этого, если умолчать о дополнительных факторах, вслед за представлением о смешении семени были дисквалифицированы те причины появления монстров, что основывались на идеях спонтанного зарождения и пластической силы воображения, способной преобразовывать материю.

Вместе с ревизией причин монструозного изменялась вся эпистемологическая программа в отношении таких явлений. Отныне монстры могли привлекать внимание учёных не своей инаковостью, разрушающей привычные схемы и категории мысли. Питать такого рода интерес к ним стало дурным тоном. Когда интеллектуалы направляли на них взор, они делали это — точнее, должны были делать — единственно для того, чтобы, вопреки всей странности этих существ, открыть в них момент неизменного и всеобщего, на самом глубоком уровне подтверждающий универсальность и нерушимость законов природы.

Таким образом, эти и родственные им трансформации ознаменовали концептуальную смерть ренессансного монстра и вместе с ней рождение новоевропейского человека — человека здорового и увечного.

Источники и переводы — Primary Sources and Translations

Master-Piece 1728 — *Aristotle's Compleat Master-Piece. Displaying the Secrets of Nature in the Generation of Man*, London.

Aldrovandī, Ulisses (1616) *De quadrupedibus solidipedibus volumen integrum*, Tamburinus, Bononiae.

Aldrovandī, Ulisses (1642) *Monstrorum historia*, Tebaldinus, Bononiae.

Bauhīnus, Casparus (1614) *De Hermaphroditorum monstrorumque partium Natura*, Oppenheim, Francoforti.

Cardanus, Hieronymus (1558) *De rerum varietate libri XVII*, Vincentius, Avinione.

Cardanus, Hieronymus (1560) *De Subtilitate libri XXI*, Ex Officina Petrina, Basiliae.

Drummond, William (1655) *The History of Scotland, from the year 1413 until the year 1541*, Henry Hills, London.

Gesnerus, Conradus (1551) *Historiae animalium. Lib. I De quadrupedibus viviparis...*, Tiguri apud Christ, Zurich, Froschoverum.

Lemnius, Levinus (1583) *De miraculis occultis naturae libri IIII*, Apud Theodorum Baumium, Coloniae Agrippinae.

Licetus, Fortunius (1634) *De monstrorum caussis, natura, et differentiis libri duo*, Apud Paulum Frambottum, Patavii.

Paré, Ambroise (1982) *On monsters and marvels [Des monstres et prodiges]*, Trans. Janis L. Pallister, The University of Chicago Press, Chicago, London.

Riolanus, Joannes (1605) *De monstro nato Lutetiae anno 1605, disputatio philosophica*, Apud Oliuarium Varennaeum, Parisiis.

Rueffus, Jacobus (1580) *De conceptu et generatione hominis*, Apud Georgium Corvinum, Francoforti ad Moenum.

Topsell, Edward (1658) *The History of the Four-Footed Beasts and Serpents*, Cotes, London.

Tyson, Edward (1699) "A Relation of Two Monstrous Pigs, with the Resemblance of Humane Faces, and Two Young Turkeys Joined by the Breast, by Sir John Floyer", *Philosophical Transactions of Royal Society (1683–1775)*, Vol. 21, 1699, pp. 431–435.

Фуко 2010 — Фуко М. История безумия в классическую эпоху. Пер. с фр. И.К. Стаф. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010 (Foucault, Michel, Histoire de la folie à l'âge classique. Russian Translation 2010).

An Introduction to the Renaissance Monster Studies: Hybrid Beings and Other Creatures*

Anton V. Karabykov

The views on essence and causes of hybrid, human-animal, monsters' birth prevailing in academic circles of the West in the 16th – first half of 17th Cc. are explored on a vast material of primary works in medicine, natural philosophy and natural history. Understanding the monstrous as the *other* in relation to the human the author considers these spheres as interconnected cultural constructs. Thus an analysis of the Renaissance conceptions in the field of Monster Studies sheds light on shady sides of the contemporaneous anthropology. It gets clear, in particular, that a) there was a realm of constant species of hybrid beings stretching between the human and the animal domains; b) essential causes of hybrid individuals' birth were based on acceptance of such possibilities as conception *via* copulating with animals and production of physical effects on a fetus by power of mother's imagination; c) evidence of natural and significance of divine causes of individual monsters' appearance usually were thought to be inversely proportional while these causes themselves – as mutually complementary. Eliminating of those and related notions completed in the Enlightenment caused decline of Renaissance "monstrology" as well as a revision of fundamental presumptions on which the prior anthropology had rested.

KEY WORDS: Renaissance culture, natural history, history of medicine, historical anthropology, geographical discoveries, monsters, portents, imagination, bestiality, spontaneous generation.

KARABYKOV Anton V. – DSc in Philosophy, CSc in Philology, Professor, Department of Philosophy (natural-scientific specialization), V.I. Vernadsky Crimean Federal University.

meavox@mail.ru

<https://omgis.academia.edu/AntonKarabykov>

Received on December 24, 2017.

Citation: Karabykov, Anton V. (2018) "An Introduction to the Renaissance Monster Studies: Hybrid Beings and Other Creatures", *Voprosy Filosofii*, Vol. 8 (2018), pp. 52–64.

DOI: 10.31857/S004287440000915-1

References

- Bates, Alan W. (2005) *Emblematic Monsters: Unnatural Conceptions and Deformed Births in Early Modern Europe*, Rodopi, Amsterdam.
- Brah, Jean-Pierre, Hanegraaff, Wouter J. (2006) 'Correspondences', Hanegraaff, Wouter J. (ed.) *Dictionary of Gnosis & Western Esotericism*, Brill, Leiden, Boston, pp. 275–279.
- Campbell, Mary B. (1988) *The Witness and the Other World: Exotic European Travel Writing, 400–1600*, Cornell University Press, Ithaca & London.
- Cohen, Jeffrey J. (1996) 'Monster Culture (Seven Theses)', Cohen, Jeffrey J. (ed.) *Monster theory: reading culture*, University of Minnesota Press, Minneapolis, London, pp. 3–25.
- Correia, Clara Pinto (1997) *The Ovary of Eve: Egg and Sperm and Preformation*, The University of Chicago Press, Chicago, London.
- Daston, Lorraine, Park, Katharine (1998) *Wonders and the Order of Nature, 1150–1750*, Zone books, New York.
- Davies, Surekha (2016) *Renaissance Ethnography and the Invention of the Human: New Worlds, Maps and Monsters*, Cambridge University Press, Cambridge.

* The paper is supported by RSCI, project No. 18-011-00601, "The "Book of Nature" in the Renaissance and early modern hermeneutic strategies".

- Eamon, William (1994) *Science and the Secrets of Nature: Books of Secrets in Medieval and Early Modern Culture*, Princeton University Press, Princeton, NJ.
- Finucci, Valeria (2001) 'Maternal imagination and Monstrous Birth: Tasso's *Gerusalemme liberata*', Finucci, Valeria and Brownlee, Kevin (eds.) *Generation and Degeneration: Tropes of Reproduction in Literature and History from Antiquity through Early Modern Europe*, Duke University Press, Durham, London, pp. 41–79.
- Fudge, Erica (2000) *Perceiving animals: humans and beasts in early modern English culture*, St. Martin Press, New York.
- Jorink, Eric (2010) *Reading the Book of Nature in the Dutch Golden Age, 1575–1715*, tr. Peter Mason, Brill, Leiden, Boston.
- Huet, Mari-Hélène (1993) *Monstrous Imagination*, Harvard University Press, Cambridge, London.
- McLean, Matthew (2007) *The Cosmographia of Sebastian Münster: describing the world in the Reformation*, Ashgate, Aldershot, Burlington.
- Van Duzer, Chet (2012) 'Hic sunt dracones: The Geography and Cartography of Monsters', Mittman, Asa Simon and Dendle, Peter (eds.) *The Ashgate Research Companion to Monsters and the Monstrous*, Ashgate, Aldershot, Burlington, pp. 387–436.
- Walton, Michael T., Fineman, Robert M., Walton Phyllis J. (1993) 'Of Monsters and Prodigies: The Interpretation of Birth Defects in the Sixteenth Century', *American Journal of Medical Genetics*, 47, pp. 7–13.